

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

PG 3948
E55N2

С. А. Енохинъ.

390

НА ВИКУ, — ЯКЪ НА ДОВГІЙ НЫВИ.

Видьма—1 стр. Кваша—6 стр. Посунься—14 стр. Пры-
стройвъ гроши—22 стр. Пидкусыла нечиста сыла—27 стр.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ.

Типографія М. А. Гольденберга.

1903.

Digitized by Google

S. A. Enokhin

С. А. ЕНОХИНЪ.

На вику, — так на довгий ниви

НА ВИКУ, — ЯКЪ НА ДОВГІЙ НИВИ.

Видьма—1 стр. Кваша—6 стр. Посумься—14 стр. Пры-
стромвъ гроши—22 стр. Пидкусыла нечиста сыла—27 стр.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ.

Типографія М. А. Гольденберга.

1903.

S. A. Enochin
С. А. ЕНОХИНЪ.

На вику, — так на довгий ниви

НА ВИКУ, — ЯКЪ НА ДОВГІЙ НИВИ.

Видьма—1 стр. Кваша—6 стр. Посумься—14 стр. Пры-
строиць гроши—22 стр. Підкусыла нечиста сыла—27 стр.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ.

Типографія М. А. Гольденберга.

1903.

PG 3948
• E 55 №2

Дозволено цензурою.

INDIAN UNIVERSITY LIBRARY

В И Д Ъ М А .

Що вы мени кажете, що видьмивъ немае, якъ я ихъ на свои очи бачивъ! Колы хочете, я вамъ розскажу, яка мени причта случилась.—Чувъ я одъ старихъ людей, що треба у послидню недилю на масныци, якъ заговляешъ, оставыты сыръ зъ остатняго вареныка на кутнихъ зубахъ у роти и зъ тымъ сыромъ переночувать. У понедилокъ, у ранци, якъ прокынешься, треба выкынуть той сыръ зъ рота, завернуть его у ганчирочку, тай закласты пидъ пахву и, невиймаючи, носыть пидъ пахвою ажъ до Страстной субботы. У вечери, якъ люды идтымуть на Одыяніе, треба выняты той сыръ, та закласты его изновъ ажъ на кутни зубы, тай и соби пидты до церкви. Якъ прыйдешъ, то заразъ и дывысь у гой кутокъ, де жинки стоять: котора зъ ихъ видьма, у теи буде непрыминно на голови дйныця стоять.—Ну, думаю соби: я не я буду, якъ я цего не зроблю! Ну, и зробывъ!

Тилько у великодну субботу, часивъ за чосыре до захода сонця, запригъ я свою Билу у говозку, тай побигъ на часъ у Ярошпвку до идвалу. Нехай, думаю соби, буде и у мене хочъ не такъ, якъ у людей, то хочъ такъ, якъ соло людей. Треба и соби купыть пивъ-видерця. А той годъ у насъ, хвалыть Бога, бувъ добрый, алибець уродывъ, залышня копійка була на

хозяйстви: не грихъ и на циле видро гроши потерять.

Прыізжаю до пидвалу, выпригъ я Билу, привязавъ до полудрабка, пидкынувъ трохи паши,— нехай ійсть, сердешна. А самъ увійшовъ у пидвалъ, тай пытаю у пидвального:

— А по чому горилка?

— По симъ карбованцивъ, каже, за видро.

— А ну, дай, лышень, пивъ-кварты на пробу.

Взявъ я ту пивъ-кварту, та пидходю до своего воза, тай думая соби: чи пыть, чи непыть, бо, знаете сами, якый день.—Колы чую, гукае щось на мене:

— Грыцько Семеновичъ, Грыцько Семеновичъ, а идить лышь сюда!

Колы я оглянусь... а тутъ уся наша кунпанія, значетця, изъ своего села люды, сыдятъ у Мусія у Онойка пидъ возомъ, тай закуска передъ ними на рядни лежить: и паляныця, и дви чи три чехони, и пляшка горилки, и чарочка,— усе чисто якъ слидуе. Пидходю я, тай пытаю:

— А може воно грихъ у такый день горилку пыть?

А кумъ Даныло кажутъ мени въ отвить:

— Якый грихъ? Вона жь писна! Хиба ии зъ мяса, або зъ молока женуть?

Може, думая соби, воно и справи такъ.

— Ну, кажу, просты, Боже, насъ гришныхъ! тай сивъ зъ ними до гурту.

Выпылы по чарци, по другій... а дали такы добре выпылы. Ну, и правду казавъ бісовой виры жидъ, що добра горилка! Такъ мы уси до неи разохотувалысь, що каждый ажь трычи изновъ ходывъ до пидвалу по горилку, неначе бы то на пробу брать, бо такъ на раздрибъ не хоче продавать проклятый. А дали бачимъ, що вже

не рано: пора и до дому рушать. Запрягли конячекъ, тай ну, зъ горы, що за паньскимъ дворомъ,—на увыпередки.

Та кумъ Даныло, якъ зачепылы Мусія ззаду за крыжалныцю, тай поставылы воза посередъ горы, до горы ракомъ, у верхъ колисьмы. А той, сердешный, якъ полетивъ зъ воза, то чисто бутля зъ горилкою у цуры розбывъ, та объ грудки соби морду розъюшивъ.

Чистый смихъ, тай годи! Добре ще, що гроши у ёго осталысь. А то бы довелось на Велыкдень безъ горилки праздныки справлять.

Ну, а поки винъ туды зновъ по горилку поихавъ, поки назадъ, а мы стали его дожидать на нызу, коло парового млына. Обтырлувалысь соби, зробылы зъ возивъ затышокъ. силы пидъ левадою на рови, тай ждемо. А витерь дме такой холодный та ризкий, що страсть!

— Що жъ, кажу. братци, дурно сидить! Якъ вже гришыть, то гришыть. Хочъ разъ, якъ той казавъ, батька у лобъ, хочъ двичи,—однаково грихъ! Выпьемо ще по чарци!

— А де жъ ту чарку взять у бисового батька, якъ Мусій, перекидыаючись, чисто ии на шматки розбывъ?—пытается Семень.

— Пый, дурный, нахильци! Отъ такъ.—кажу я ему,—подывысь;—та взявъ, одиткнувъ чопыка! у барыльци, та якъ потягнувъ!...

А дали кажу: що жъ це, хлопци, за порядкы? Хиба жъ я у Бога тела изъивъ, чи шо? Щожь це я одынъ буду пыть?

А воны,—ей-Богу, правду кажу,—уси до одного вынылы по правди, якъ полагаеця, и ни одынъ не одцуравсь. Ну, поки вернувся Мусій, поки зибралысь, поки доихалы, стала вже и ничь.

Доизжаемъ до своего села, вже и до церкви дзвонять.

Тилько-що я выпригъ Билу, заразы нагадавъ за той сыръ. Узявъ зъ-пидъ пахвы ту ганчирочку, насылу перервавъ мотузка, которимъ вона була привязана до пахвы, щобъ часомъ, не дай Богъ, не загубить, выдлубавъ той сыръ тай заклавъ его на кутни.

Та чогось, чую, той сыръ ставъ такой гиркый, та чимсь смердыть такимъ противнымъ.

Ну, ничего, думаю соби, перетерплю—а буде по моему. Не дурно жь я и морочився симъ тыжднивъ. А дали, думаю соби, треба поспитать, бо щось, я такъ соби замичаю, що той сыръ починае у мене у роти розтавать, а слына, такъ неначе у скаженной собаки, котынытця тай котытця. Та якъ наберетця ии повенъ ротъ, то я боюсь сплюнуть, щобъ часомъ той сыръ сылу свою не потерявъ, тай проглытну ии.

А дали чую, що неначе бь то чогось мени нудно стае, и у животи булькотить починае; ну, нема чого робить, треба швыдче идты.

А на двори такъ темно, що хочь очи повыймай. Колы це, якъ выйшовъ я за ворота, де не визьмысь чорна собачка. Така соби невеличка, та шустъ мени пидъ ноги. Ажь я на ногахъ не устоявъ, тай упавъ.

— Пишла вонъ!—крычу я на неи.—Де ты взялась на мою голову, пся вира!

А вона неначе бь то и отбигла.—Тилько, що я знявся идты, а вона зновъ до мене. Плутается межъ ногами, и не кусае, и не гаукае, а недае идты.

Я и туды, я и сюды, —не отстугается одъ мене бисовой виры щеня. Бачу я, що погане дило.

Ну, миркую, пиду я на навкругы. Може вона не догадается, та подумае, що я вже раздумався, и кудысь у друге мисце пиду. Тай пишовъ по-за Павла Найду, та по-за Аполлоня; та такъ соби рѣсуждаю, щобъ черезъ ярочь, тай до церкви.

А ии, сучои виры, десь и немае. Колы це, тилько що я помянувъ Аполлоня, та ставъ на-блыжатця до кинця, що на граныци коло самого ярочка одъ паньскои земли закопанный стоить, колы де не визьмысь клубокъ, такый чорный та здоровый, якъ той лагунъ заубильшки, та мени пидъ ноги. А я сторчь головою у яръ.

Ну, думаю соби, хочъ рачки, а долизу. Тай ставъ лизты вздовжь ярочь, щобъ на шляхъ вылизты. А на дни у яру намула, та болота. Ну, це буде добра работа, якъ я увесь чисто умажусь у болото, якъ чортъ. Тоди хочъ и до церкви не являйся.

А дали вже я и не нагадаю, що зо мною було: чи я утомився, лизучи рачки та вытягаючи руки и ноги зъ болота, чи воно на мене якесь наважденіе. або туману напустыло,—алыжь якъ прокынувся я у ранци, якъ тилько мало на свить благословлятця, колы дывлюсь, а я лежу у рови коло паньского саду, якъ вы сами знате, совсимъ близенько одъ церкви. Увесь умазанный у болоти, якъ чортъ. И голова большъ, и ноги, и руки, а крижи—такъ неначе хто у ступи потовкъ. А сыру у роти вже чортъ ма. Мабудь вытягла каторжна видьма.

А вы мени кажете, що видьмивъ немае. Якъ немае, якъ я ихъ на свои очи бачивъ и цилу ничъ зъ ными мордувався...

1902 года, марта 12 дня.

Д. Марьевка.

К В А Ш А .

Не дурно, кажутъ, що людей слухай, а свій розумъ май!

Мовляла мени, якось на цихъ дняхъ, моя жинка: «У насъ повсигда все не такъ якъ у людей робитця: зачепивъ ты соби одну роботу: орешь, та сієшь. Хиба зъ одного поля можно прожити? Добре; якъ Богъ дає, що уродить, то воно и иде соби такъ, и туды и сюды, а якъ нема урожаю, то що хочешъ, те и робы».

— А якъ же по-твоему робить?—пытаюсь я ии.

— А такъ, каже, якъ по другихъ людяхъ водитця. Якъ бачишь которе, що на одному дили мала польза, то шукає якесь друге средство. А у насъ хочь добре, хочь худо, знай одно, тай годи. Ты жь мени постоянно суєшь у очи свою любыму прыказку, що твій батько цего не робивъ и тоби не звеливъ. За рады якого бисового батька я буду тоби совитувать, якъ знаю напередъ, що зъ того однаково ни якого толку не буде.

— Та Богъ зъ тобою, нехай вже на цей разъ буде твій верхъ. Кажи вже, що ты тамъ надумала.

— Скажи мени, каже, для чого мы корову держимо?

— Для молока, кажу, для плоду.

— А! Скажите, пожалуйста, яка велька польза зъ того несчастнаго глечика молока, або зъ

того теляты! Та вона бильше паши изысть, якъ сама вартъ, а те молоко кому воно нужне? Хиба насъ диты маленьки обсилы, або що? Тай чимъ ты ии зимуватемешъ, якъ паши чортъ мае. Хиба того настрямка, що на току, надовго стане? Побачишь, що пился Риздва доведетця паши куповать.

— Ну, та що?—кажу я ии, а самъ думаю: а де я справди визьму грошей на пашу, бо круты, не верты, а доведетця куповать.

— Якъ, та що? Звистно, каже, якъ нема чимъ скотыну годувать, то мусышь ии повесты на базаръ, та продать. Хиба лучше, якъ вона къ чорту схудне, и тоди дурно, за шкуру, отдамо?

— Та ты не балакай богацько, а кажи швыдче дило. Бачу вже я добре, що ты щось надумала. Черезъ те, мабудь, та корова тебе такъ и муляе.

— Бачь, якый швыдкій, каже. Отъ визьму на злисть и не скажу. Що це ты выдумавъ поприкать, що мени хочетця, якъ найишвыдче сбуть корову. Велька мени зъ того польза, або у мене голова дуже болытеме, або ноги, якъ тоби прыйдетця бигать по людяхъ гроши на пашу позычать. Скажить, пожалуста, велькый мени хлопить!

— Та ну, вже кажи. Хиба я тебе возомъ зачепывъ?

Та не возомъ, а все-жь-таки якосъ обидно. Я хочу дило казать, а ты перебуваєшь и не даешь говорить. Теперечки, кажутъ, добра цина на скоть. За нашу Рябу, дарма що старенька, та дряпакомъ обьидяна, можна карбованцивъ зъ трыдцять, або и того бильше узять. Вона, хвалыть Бога, сытенька, бо е коло неи добрый доглядъ. Отъ я и надумала: оце якосъ хвалылысь

кума Мотря, що вони одъ Покровы, продаваючи паляныци на базари, заробылы десять карбованцивъ, ще и тры семьгрывенныкы. А хиба у ихъ богацько грошей у цему дили? Тилько и мають, що на одинъ кулекъ борошна. Отъ я и миркую, якъ бы мы продалы Рябу, то за ти грошы малы бь ажъ онъ скилько борошна. Ты тилько посчитай, скилько можно заробыть грошей на свои гроши—а корова дурно стоить, ще и расходу требуе. Я однаково такъ, неначе дурно, безъ ни якого дила дома седю, тилько готовый хлибъ ймъ, а такъ продавала бь паляныци, тай заробыла бь, якъ бы Господь Мылосердный помигъ, до весны такъ, що може бь и молодшу корову малы бь за вищо купыть, а може, якъ Богъ дасть, до неи ще пару бычечкивъ. Отъ тоди и ты мавъ бы чымъ у поли робыть. А то, до чого не кынься,—все наймы, та наймы. Отъ черезъ то и польза мала съ поля, що немае своей худобы.

— А щожь, думаю соби, воно такъ. неначе бь то и до дила выходыть. Хиба це якъ, крадяне чи що, якъ заробышь лышняго карбованця?—Помиркувавши такъ межъ собою, узявъ я у понедилокъ тай повивъ Рябу на торговыцю. Недовго и водывся, та продавъ ии нашему-таки Мошкови ризныкови за трыдцять карбованцивъ безъ двохъ злотыхъ.

Заразь пишылы мы у двохъ зъ жинкою у лавку до Ицка до Очеретяннаго, та купылы трохи не на вси гроши петлеваннаго борошна. Тай добре борошно продае, матери его кувинька зъ каторжнымъ Ицкомъ! И де винъ его тилько достае? Прямо таке биле, та пухке, що чудо, а мягко помелято, що, чорты его батька душу знае, де вони таке каминья берутъ. И капли не трищыть.

Дали зайшли до рабына, та взяли сухихъ дрожжей ажъ пять хунтивъ одразу, щобъ другій разъ не гаятьця, бигаючи, якъ часомъ не стане. Не дуже велики гроши ти дрожжи стоять. Якъ яка пачка и останетця, то чортъ ии беры, бильше думаемъ заробить.

Попросылы мы кума Омелька пидвезты бо-рошно до нашої хаты, тай потюналы сами по-маленьку за тымъ возомъ до дому.

Якъ прыйшли та пообидалы, заразы и нагадалы, що немає у насъ такои великои дижи, щобъ одразу усю росчину росчинить. Що тутъ, матери его хринь, робить? Знаешь, кажу, жинко, що я зроблю? Пиду я, лышень, до Емченка та позычу у его переризъ одъ паровой машины. Знаешь, що воду у ему держать, якъ молотять? Здається, у ему вся росчина помистытця.

Та, спасыби, добрый чоловикъ той Емченко, не отказавъ. А то було бь добра кумедія. Хочъ що хочешъ, те и робы. Гроши за корову мы уси чисто зъ жинкою потерялы на покупку. Прямо, хочъ гвалтъ крычи, або откажись одъ кумерци.

Росчиныла жинка тисто, натопыла пичь та за сутки выкынула бильше, якъ пивсотни паляныць. Тай заморылась вона, сердешна, коло того тиста! Прямо зъ неи не то що пить, а прямо юшка яка-сь бигла, поки вымысла той переризъ. Ажъ сорочка уся мокра зробылась, якъ хлющъ.

Попросывъ я на часъ воза у сусида, тай повизъ ти паляныци на базаръ.—У насъ, знаете, не село, а такъ неначе-бь-то мистечко. Е чи мало лавокъ зъ крамомъ и всякою всячиною, а по понедилкамъ-таки добрый базаръ стае. А у други дни на тыждни сбирается сбиговысько, такъ не-величкый торжокъ. Такъ, разни перекупки буб-

лыки, паляныци, литомъ—кавуны, дыни и всяку всячину продають. Всякого народу по всякъ день набираетця до пропасти. Ти идуть черезъ село на заробитки, ти вертаютьца назадъ, а ти такъ идуть. Покинувъ я тамъ жинку, а самъ пишовъ до дому за своимъ диломъ.

Ажъ у вечери, таки пиздненько, прыізжае вона зъ базару.

— А що, питаюсь, богацько уторгувала?

— «Та де тамъ, каже, у бисового батька! Прямо якъ показылысь уси чисто люды. Никто и не пытае паляныць. Уси чисто у одынъ голосъ голосятъ: давай имъ калачивъ, тай годи».

— Що жъ его теперычки робыть? питаюсь я.

— Треба, каже, паляныци на калачи перероблювать. Нема чого богацько и выдумувать. Порижемъ ихъ на шматки, розмочемо у води, заудамо окрипомъ, додамо ще борошна, розмишаемъ усе до купы та напечемъ такихъ калачивъ, що кращихъ и не треба.

Ну, нема чого довго думать та розбалакувать. Заходылысь мы коло тихъ паляныць, поризалы ихъ геть чисто и розмочилы, якъ жинка казала, замисылы вже у двохъ, щобъ вона сама часомъ не пидирвалась мисючи таку сылу, та напеклы тихъ калачивъ, щось дуже богацько. Я вже и не личивъ, бо боявся, що прямо и лыки загублю.

Прыізжае жина изновъ, у друге зъ базара, а я вже ничего и не пытаю, бо бачу, що вона чогось така смутна та не довольна.

Знеслы мы ти калачи у хату та позакладалы чисто уси лавки, и стилъ, и викна, и прыпичокъ. Прямо де хочъ дивай! Нема вже куды и класты, и систы нема де.

— Просто чистый глумъ, тай годи, робытця на базари, каже вона мени; никто и не пытавъ

за калачи. Уси люды въ одинъ голосъ бажають: давай имъ кваши, кваши и кваши.

Ну, нема чого робыть, треба перероблювать калачи на квашу.

Насылу выбигавъ я по селу великаго казана. Чистый наживъ я соби хлопить. Поки мы не занималысь кумерціями, сидивъ я соби дома спокойно. А тутъ—або бижи, щось позычай, або просы чого-сь, а дома сиды на одному хлибови, бо, звистно: якъ хозяйки нема,—нема и порядку у хати.

Ну, поризалы мы ти калачи, розмочылы ихъ у води на кисиль, перемишалы зъ борошномъ та заварылы квашу вже на двори, бо де жъ помистыть таку пропасть у пичи? У насъ пичь, звистно, для своеи обыхидки постановляна, а не для кумерціи.

-- Ну, знаешь що, Грыцьку, каже вона мени, якъ мы вже все чисто попоралы:—иды ты сегодня на базаръ. бо мени треба дома остатця, де що у порядокъ произвесты. Подывысь, якый ты скризъ рейвахъ завивъ.

— Добре, кажу; я одъ цего не цураюсь, алыжъ перше треба когось покликать, щобъ перериза зъ квашею на визъ высадыть.

-- Чи ты здуривъ. чи дурный пипъ тебе хрестывъ? Таке ты прыставляешь, що и купы не держытця. Хиба ты хочешь усю чисто квашу по шляху росхлюпать? И не выдумуй мени, пожалуста. На вози я везты не позволю,—якъ соби хочешь. Треба таки пидтяжки зъ каната зробыть та тоби самому на плечахъ однести. Хиба тутъ далеко, або ты малый, нездужаешь пиднять? Не бійся,—не пидирвешься. Тоби бь ще другого такого причепыть, то байдуже. Здоровый, хвалыть Бога, якъ кать. Бижи, прынесы

каната та прыправь его до перериза, а я. якъ буде готово, завдамъ на плечи».

Нема чого робить. Схотилось кумерцыямы занятца, то купцюй, Грыцьку, хочь ты тутъ трищатеме.

Пиднявъ я того перериза зъ квашею, ледви на ногахъ стою. Такой важкый, що прямо чую, щось наче мене до земли тягне. Алыжь, думаю, байдуже, якось напнусь, може допру его до базара.

Тилько що я повернувся та хотивъ у двери просунутьца, а вона мени и каже:

— Пострывай, боюсь я. що ты. якъ тилько prosperousдуешь квашу, заразы пидеши до шинку та пропьешь гроши. Що мени зъ тобою робить: и дома нема кого покынуть, и тебе самого боюсь пустыть. Знаю я тебе добре. що ты за цаца! Ты заразы почнешь своимъ родычамъ, который пидйде, то тому кухлыка. то другому роздавать, а решту пропьешь. Отъ несчастье, бидна моя головка! Що мени у свити Божому робить! Прысягай заразы, що усе. що уторгуешь, до копійки до дому прынесешь. Стань о тутъ о, повернись мордою до Богивъ. перехрестысь, ударь поклона и забожись, що не будешь марно грошей терять и уси чисто до дому прынесешь.

Крутуюсь я по хати, якъ дурный, зъ тимъ переризомъ. И канатъ руже плечи, и не можно згнутца, щобъ удобнице стать, бо опасуюсь, щобъ квашу не розлить, и важко, бо переризъ назадъ переважуе. Нема чого робить, треба швыдче прысягать, бо дали, бачу, не выдержу.

Ставъ я протывъ покути и кажу:

— Якъ я що, або що, то нехай мени онъ що, не то що!

А вона кричитьъ, якъ нависна:

— Хрестысь и вдарь поклона, бо я такъ одинаково не повирю.

Не поспивъ я трохи зигнутця, щобъ поклона ударыть, такъ мене той переризъ и потягнувъ до земли, неначе хто мене зъ заду упхнувъ, а я якъ упавъ ракомъ, а та кваша уся чисто черезъ голову полылась та геть по хати розбиглась. Чисто и лава, и стины, и стиль.—и усе кругомъ позаляпувалось у квашу. А я, якъ выплутався зъ тихъ канативъ та мотузкивъ, та выпручався зъ пидъ перериза, та глянувъ на себе, то ажъ злякався. Умазався у квашу, якъ сатана. И голова у кваши, и мордяка у кваши, и борода у кваши, и за пазухою кваша, и спына, и боки, и руки, и по за халявами, — скризь повно поналывалось.

А вона и каже:

— Отъ такъ и лучше, нехай не буде ни твоей ридни, ни моей.

Отъ таки случаи бувають у кумерциі. Не заробывъ проценту, ришывся и стоупа.

На другій разъ буду помятать, що зъ нашого брата, хлибороба, звистно, таки купци, якъ зъ собачаго хвоста рѣшето.

ныця була—царство небесне! —що я и доси за нею жалкую. Ну, и правда, що була здорова. Бувало, якъ заговорыть до тебе, чи у хати, чи на двори, то такъ, неначе зъ барыла дме. Прямо ажъ луна по хати иде и у вухахъ лящыть.

Отъ и теперъ друга моя жинка и ничего соби: не погана и проворна до роботы, а сылы теи немае. Куды ии гришнои до моеи покійныци Горшыны, щобъ ии земля перомъ!

Ну, пияся такои рады, пияшы мы у осени до Джигурды зъ старостамы старшу дочку сватать. Перебалакалы зъ старыми, забралы рушныкы, выпылы могорыча, змовылысь, щобъ пияся другои Пречистой пиднять весилье. Ну, нема тутъ чога довго казать, зробылы геть все, якъ полагаецця, тай вернулысь до дому.

Незабаромъ прыйшла и Пречиста. Одгулялы мы у молодой сватанье, булы и музыкы, и все чисто.

Тилько я, хочъ и дурный бувъ, а ставъ прымычать, що моя молода неначе бь то смутна, та очи у ней чога-сь заплаканы. А у вечери, якъ уси вже гости поросходылысь та поклялы насъ зъ молодую спать,—бо по нашихъ мисцяхъ такий вже звычай, що молода лягае спать зъ молодымъ, а старша дружка —зъ бояриномъ,—ну, та бачу я, що вона на мене не хоче и дывытця. Повернулася до мене спыною, мовчыть—ни пары зъ усть. Тилько те и промовыла, якъ я щось, вже не нагадаю що, до ней забалакавъ: «Отчепысь ты одъ моеи души, каже, къ бисовому батькови. Такий ты мени протывный. Прямо и очи мои не хотылы бь тебе бачыть!»

— Ну, кажу, якъ не хочешь, то и не треба. Та одвернувся и я одъ ней, тай заснувъ.

Отъ якъ пройшла Покрова, почалы гулять весилье. У субботу трохи не до свита гулялы у молодой, а у недилю поихалы до церкви. Я, значитця, зъ молодою та боярынъ зъ дружкою силы на визъ—та гайда, бо пишки далеко идты,—верстовъ, мабудь, изъ пять, якъ небильше, буде одъ ихняго хутора до церкви.

Якъ стали мы пидъїзжать до села та зъ горы на греблю спускатця, чуемъ—вже дзвонять на «достойно».

Бачу я, що прыпизднылысь. Давай я зо всеи сылы погонять коней, щобъ якъ найшвыдче добигты. То погонявъ батогомъ, а то почавъ лупыть пужальномъ прямо вздовщъ спыны та по жижекамъ. А воны бижать на весь духъ, крутятъ хвостамы та пидхвыцують. Пидбиглы, знате, до ограды, а я взявъ та покынувъ коней непрывязанныхъ, тай мерщій до церкви, бо дуже боявся, що батюшка не схотять винчать за те, що прыпизднылысь тай на службу не поспылы.

Та я вамъ по правди скажу, що николы перше мени не доводилось бачить, якый порядокъ ведетця, якъ винчаютця. Увійшлы мы у церкву тай стали зъ молодою рядомъ у куточку. Якъ отпавылы батюшка службу, то стало насъ до винця ажъ чотыри пари одразу. Теперь, якъ я вже двичи винчався, то добре знаю, зъ якого боку треба ставать коло молодой. А то, звистно, якъ молоде, ничого не тямьть, ставъ я коло неи зъ пидручняго боку. А боярынъ мени и каже: «чуешь, посунься на другій бикъ, бо ты не тамъ ставъ. Поступысь на бороздній бикъ».

Не успивъ я перейты, колы це выходять батюшка. А я стою та дывлюсь, що воны будутъ робыть. Колы чую, щось мене зновъ оддыхае

жаемъ мы до его подвирья, а музыки выходятъ наупротивъ насъ, бо люды мене побачили, якъ я ще зъ горы бигъ. У бубонъ бьютъ, скрышка грае, басъ гуде.—уси чисто люды выходятъ зъ хаты, щобъ молодыхъ по звичаю устричать. А я тутъ прямо-таки не выдержавъ цего страму. Якъ скочу зъ воза, якъ замахаю на ихъ рукамы: не треба, крычу, не треба!!..

А воны не чують за гомономъ та не примичають, що я самъ одынъ безъ молодой, бо за киньмы не видно, та затыняють ще кращои; прямо галось такой пиднявся, хочъ вуха затыкай клочамъ.

А я, не повирите, такой злый зробився, та такъ розбисывся, що выдеръ той бубонъ у музыки зъ рукъ та трохи ему головы не побывъ, та люды якось спынылы.

Ну, та якъ розказалы мы зъ батькомъ своей ридни, яку мени штуку у церкви Джигурдова дочка пидстроила, якъ накынулысь мы уси гуртомъ на старого Джигурду, то винъ ажъ перелякався, бо бачыть, що насъ бильше и наша сыла бере. Прямо трохи не побылысь.

А дали, якъ накрычалысь до смаку та трохи уси уговталысь, старый и каже:

— Що жъ, люды добри, хиба я у чому вынний у цему дили, хиба це моя направа, або я що знавъ? Якъ бы я не схотивъ свою дочку за васъ замижъ отдавать, то хиба хто мавъ право мене пресылувать? Вирьте Богови, що це вона, мабудь, знюхалась зъ тымъ Иваномъ Лысодидомъ, що у мене въ году служивъ, та змовылась зъ нимъ нышкомъ, тай повинчалась.

А батько ему и кажутъ:

— Ну, чи вынний ты, чи невынний, а такъ мы зъ подвирья не выйдемъ: я прямо готовъ тутъ

кочь и зимуватця. Заплатить мени, якъ хотите знать, за безчестіе и вернуть мій расходъ, а то и побый мене Богъ, и знать ничего не хочу. Защо вы мою дитыну опорочылы?

— Знаете, що я вамъ скажу, каже намъ Джигурда.—хиба и я не мавъ расходу? У мене грошей ще бильше якъ у васъ пишло. А ну, почитайте, лышень! Треба це дило якось инше подаднать. Хиба вамъ непременно такъ Насти закотилось? Берить Горпыну, везить ии хочъ и заразы зъ Богомъ до церкви—и дилу кинець, и не буде ни якои претенціи. Однаково вже утратылысь и вы, и мы, все чисто весилье пидняли и людеи зибралы, и все готово, якъ слидъ. Богъ вже зъ вами; я и самъ бачу, що Горпына поганица одъ Насти на лыци. Нате вамъ на прыдану ще одну пару воливъ, и край, та быйте руки!

Бачимъ мы, що старый дило каже. Недовго и думалы, бо бачимъ, що нема чога другого робить; силы на возы, та до батюшки, та заразы ту саму недилу и перевинчалысь.

Насылу батюшку упросылы, а то бувъ бы намъ лышний уронъ, якъ бы ще надовше откладать весилье.

И проживъ я зъ своею Горпыною щось годывъ висимнадцять такъ, що краще и не треба. А скилько вже годывъ пройшло зъ того часу, якъ це случилось, а я и доси не можу терпить, якъ кто мени скаже: «посунься».

Такъ заразы и разсердюсь и починаю сваритця.

24 мая, 1902 года.
Д. Марьевка.

ють каждую копію у глечикъ у комори, такъ що николи и не личылы. Якъ надумалы вони якусь зимою у вечери та заходылысь личить т гроши, тай забулысь викна позатулять. Ну, почалы зъ того часу зъ тыми грошыми носыця, якъ китъ зъ саломъ, бо дуже боялысь, щобъ хто, не дай Богъ, у викно не пидглядивъ: Промо не знають куды бь зъ ними диться и де б ихъ заховать. И боятця, що хтось украде и опусуютця пустыть у якусь кумерцію; носять их коло себе за пазухою, або у халяви, тай годі. Прямо боятця зъ хаты на двирь выйты, щобъ не загубыть, або щобъ часомъ хто не убывъ, або не выдерть тихъ грошей. Ажь схудлы та на лыци зминылысь черезъ той хлопить та думки.

Поки вони ихъ складалы до купы у тих глечикахъ, то бувало николи и не безпокоятця, а якъ надумалы переличить, чи богацько их тамъ набралось, та якъ побачылы, що ихъ так сыла, то прямо и глуздъ загубылы. Сидять цилисинькый день у хати, никуды не выходять, держатця рукою за торбу зъ гришмы, щобъ не выпалы часомъ. Не берутця ни до якои работы, а якъ увійде хто зъ чужихъ у хату, та ажъ на лыци минятця зъ переляку, щобъ то не нарокомъ не замитывъ, що у ихъ е грошита у ночи не прыйшовъ ихъ заризать зъ матирью и посемействомъ. А якъ настане ничто не сплять до самого свита, та сыдятъ на лавци коло мысныка, не далеко одъ хатнихъ дверей, и сокыра коло ихъ лежыть, щобъ зарази якъ хто чужій увійде, его и зарубать.

А дали, мабудь, очортило имъ и день, и ничти гроши вартувать, та надумалы вони пидтъ и отдать ихъ нашому сусиди Гараськови Пиндюрови до схованки.

Вы мабудь того Гараська не знаете, бо винъ же давно померъ. Винъ и тоди бувъ старый еловикъ. Такой соби бувъ богобоязный; по-оянно бывало, якъ тилько до церкви задзвонять, винъ заразъ поспишае мерщій, щобъ попередъ батюшки поспить. Стане коло крылоса пызенько, хрестытця и бье поклоны усю службу та свичкы ставыть.

И бувъ той Пиндюръ человекъ заможный и остоянно тилько те и робывъ, що менжувавъ сламы.

Отъ приходять до его батько тай кажутъ:

— Слухай, Гарасько, я маю одно дило до тебе. Тилько напередъ забожись, що никому не скажешь, щобъ я тоби не сказавъ.

А той не довго и одмогався, повернувся до вкуть, перехрестывся и каже:

— Нехай мене Богъ побье на цимъ самимъ місци, якъ я кому хочь слово промовлю.

Писля такой ричи, батько ему и кажутъ:

— Принись оце я до тебе, голубе, свои гроши. Изьмы ихъ, пожалуста, до себе. Ты до ихъ человекъ привышный, знаешь якъ зъ нымы орудовать, а у мене ихъ або хто выдере, або я имъ загублю, або хто украде, та ще и мене, не дай Богъ, убье. Прямо боюсь я ихъ и у хати держать. Якъ ты коло ихъ що заробышь, то я таю добре, ты мого не схочешь и мени якогось щцняго карбованця за те перекинешь. Тилько, знаешь що, забожись мени ще разъ, що якъ ты попытатеме, чи бравъ ты у мене гроши, то ты идешь у одну душу казать, що не бравъ и не чивъ ни якихъ грошей. Хочь и я самъ пыодяхъ пытатему, кажи у одно слово, не бравъ ты кой годи. Бо я цего, Боже, якъ боюсь, якъ розійдетця по сели поголоска, що я маю гроши! Ну

его, я цего не хочу. Не дай Богъ якого несчастья. Знаешь яки теперь люды. Я и такъ ци днѣ грохи не пропавъ одъ переляку та одъ безпокойства.

А той бисовой виры Захарко и забожився, и запрысягнувся, що никому у свити и слово не скаже и буде передъ самимъ батькомъ пры людяхъ отказуватця и казать, що ни якихъ грошей у ихъ не бравъ и николы не бачивъ.

Ну, и правду сказавъ, не дурно, мабудь, и забожився. Такъ и померъ все кажучи, що не бравъ у батька ничего—тай годи. Такъ и ляснулы на вики батькови гроши увси чисто, такъ щѣ и копійки не побачылы.

А вы кажете, що колысь уси люды булы честни? Честни, мабудь, якъ Берковы штаны, такѣ сами, достату, якъ и теперь.

ПИДКУСЫЛА НЕЧИСТА СЫЛА.

А ну, братъ, спробуй, прожывы увесь викъ безъ гриха, а тоди балакай. Бачивъ я на вику и не такихъ, якъ ты, а якъ причепытця хороба, то ничого не поможе. Иншій проживе сорокъ, чи пятьдесятъ годъ и не спиткнетця и разу, а якъ пидійде несчастный случай, то и не выдержитъ та зробить такого гриха, що и самъ не радъ. Було бь не диво, якъ бы бидни гришылы: каждому хочетця того, чого у его немає,—колы и богати недовольни тимъ, що у ихъ е, бо имъ хочетця ще бильше мать. Бачыть человекъ, що заробить важко, а обмануть кого, або свыснуть, якъ воно плохо лежать—легка работа, ну, и забувае за грихъ, бо думае: зроблю на цей разъ, а на другій зарикусь та спокутую грихъ, а якъ що, то и спостыть можно; а мсже воно такъ менетця, що никто и не знате-ме. Воно добре, якъ удастця, а якъ ни, то отви-чай. А хыба тому добре, що у его узято? Може той працювавъ цилый свій викъ, а другого пидкусыть нечиста сыла, а винъ и тягне зъ чужого воза на свій.

Не дурень, мабудь, выдумавъ прыказку, що якъ украдешъ, то матемешъ, а якъ попа-дешся, то знатемешъ.

Вы думаете, що человекъ иде на грихъ по своей охоти? Де тамъ у бисового батька!

Иншій разъ и не хотивъ и боявся бь зачипать, колы бисовой виры анахемска нечиста сыла пидстроить, що будь ты найчестнѣйшій человекъ у сели, однаково не выдержышь, бо звистно: душа не каминюка.

Бувъ у насъ человекъ у сели. Проживъ винъ щось годивъ зъ сорокъ, або и бильше, и бувъ такой честный, що всяке, не то що гроши— и жинку свою на его повирыло бь. Жывъ той человекъ близенько коло мене и бувъ ще до того мени кумъ. Передъ самыми Риздвяными праздныкамы нанялы его наши-таки батюшка поїхать до вокзала привезты поповыча. Батюшкыны кони булы десь у розгони, а'у кума у мого, у Ивана, було двое добрыхъ шкапынять. Одна гнида та лысенька, а друга каштанувата та таки обыдвѣ жерстоки на изду, що ты ихъ держи за вижки обома рукамы. а воны пруть, якъ скаженны и батога имъ не показуй, ажъ поки не пробижять верстовъ зо дви, а тамъ трошки уговтаютця и пидуть тюпачка.

Передъ тымъ, якъ винъ мавъ зъ дому выїзжать, выпавъ добренькый снижокъ, а у до свита перевився той снigъ на мегычку, а тамъ на дощикъ, зробыласъ одлыга и почало роставать. А до вокзала, якъ сами знаете, хочъ и кажутъ, що сорокъ верстовъ, ну, а якъ почнешъ ихать, то набырегця бильше, якъ пивсотни. Одихавъ винъ чимало, бачыть—кепське дило выходыть: почынае снigъ пропадатель. Вывернулы кумъ кожуха на-выворить, на верхъ вовною, щобъ не змокнуть та не збавыть его часомъ на вики, бо кожухъ бувъ у его—Боже! який добрый. Билый, зъ мищаньскимъ комиромъ, и на полахъ и зъ бокивъ таки праздныки скрызъ поросшиваны, що гарно на ихъ и глянуть. Ажъ симьнадцать

карбованцивъ зъ половиною дали вони за его кожухарови, якъ куповалы у Гуляйполи. Прямо не грихъ дать за такого кожуха и два десятки, якъ бы куповать протывъ зимы, а то, бачыте, кумъ догадалысь купыть его весною, якъ цина на кожухы зовсимъ опадае. Ну идуть вони соби помаленьку, конячата бижать тюпачка, бо приморылысь сердешни, а кумъ лежать у санькахъ, скорцюбылысь, зробыли зъ мишка вочка. надылы поверхъ шапки, щобъ не змокла и незбиглася, и думаютъ соби: „Чи ихать, чи вернутця?“ И жалько кожуха, и не хочетця коней поризать, бо дорога де дали все гирше стае, и неохота дурно гаятця та дня марно терять, бо знають добре, що батюшка и злогого не дадутъ за цю гайку, ще и вылають добре, що пидманывъ та поповыча не привизъ.

„Чорты его батька душу знае, що его и робыть?“ А дали думаютъ: „буду ихать, що Богъ дастъ. Може у ночи пидмерзне, то воно якось и удастця сбуть цю хуру и заробыть на праздныкъ якогось лышняго карбованця“.

Повернулысь вони задомъ до витра, зарылысь у солому, якъ той пидсвынокъ у морозъ, и нема имъ ниякои вады. Прямо такъ имъ тепло зробылось, якъ на пичи. Кони бижать соби помаленьку, а вони почалы дримать. Колы чують, чогось шкапынята такъ сыльно жажнулысь у бикъ. Трохи санокъ не перекинули на бороздни.

Гулькнулы вони зъ теи соломы, оглянулысь наукругы, щобъ побачыть, чого це кони перелякалысь, колы бачать, що щось посередь шляху манячить рядныною накрыто. Якъ побачылы вони таку штуку, то, вирьте Богови, ажъ волосья у ихъ на голови до горы пидня-

лысь одъ страху, бо зъ просонья не розибравши, що воно таке, подумалы, може щось человека убыло тай покынуло на шляху. А дали прочухалысь, протерлы очи, поки спынылы коней, злизлы зъ санокъ та пидійшлы блызенько. тай побачылы, що лежить тры лантухы здоровецькихъ, позашиваннхъ шпагатомъ.

Стягнулы вони зъ тихъ лантухивъ рядныну та распоролы зубамы ппагать. а тамъ, вирьте, повно узвару насыпано. Усякой овощи: и груши, и кислицы, и сливы. однихъ вышень не було. Покуштувалы вони та бачать, що той узваръ такый добрый та солодкый на укуеъ, що такого у насъ у сели и не продають. У насъ жидкы постоянно держать узваръ або зъ червою, або пойдяный шашлямы.

Сталы кумъ та думаютъ: „якъ бы воно ти лантухы загубыло. то не булы бь вони накрыты рядномъ, и лежалы не у купи, а по одному у болоти и небула бь пидстеляна пидъ ними солома. Ну, а нащо воно покынуло ихъ середъ шляху? Ну, що, якъ, не дай Богъ. пидіиде хтось другый и забере соби усю чисто рахубу? Нижъ мае якась друга шельма попользуватця, хиба забрать ихъ соби? Однаково валяютьця и хозяина до ихъ не выдно“.

Оглянулысь кумъ на округы: скризъ степь, никого нема. Походылы вони коло тихъ лантухивъ и не знають, чи брать ихъ, чи не брать. Пиднялы вони одного мишка, бачать недуже винъ и важкый, такъ-що и самому можно пиднять, не треба никого просыть. щобъ завдать на плечи. а можно и попередъ себе до санокъ донести.

Що его, матери его хринъ робыть? И нехо-

четця, щобъ таке добро марно у болоти на шляху валялось, и опасуютця, щобъ хто другый не пидіхавъ та не забравъ, и подходячій случай на праздникъ прыдбать узвару, и боятця, щобъ часомъ хозяйннъ одъ тихъ лантухивъ не достукався, хто ихъ свыстнувъ, бо добре, якъ винъ іхавъ одъ вокзала наупротывъ кума, то чортового батька винъ тоди догадаеця, хто до того узвару хозиномъ зробився; а якъ винъ поіиде за своимъ товаромъ назадъ наупротывъ, то прыдетця кумови прямо у рѹкы попастысь?

Крутятъ кумъ головою и сами не знаютъ, що имъ робыть. Щобъ догадатця одійты, якъ найшвыдче та плюнуть къ чорту на ту нахидку,—колы ни, не можно, бо кортячка бере согришитъ. Прямо неначе ихъ якась нечиста сыла привязала до тихъ лантухивъ: одійдуть одъ ихъ ступенивъ зъ пять и зновъ тягне ихъ назадъ; походятъ коло ихъ зо всихъ бокивъ, постоять, подывлятця, якый узваръ добрый, та смашный, та солодкый, и зновъ пидуть до саней.

Якъ вже такъ ихъ дуже кортило, щобъ було набратъ у полу або набыть повны кишени, тай ихать зъ Богомъ за своимъ диломъ; колы жь, хиба можно, щобъ человекъ бувъ малымъ довольный. Сказано, кажна людына мае таку завидюшу натуру, що хоче зажирать постилько, що и не ковтне. А нечиста сыла проклята шепче кумови на вухо: „Хиба не одынъ черть, чи узять жменю, чи уси три лантухи? Якъ буде неудача, то и за жменю доведетця отвичать достоту, якъ и за увесь товаръ, а якъ вже паскудыть парафію, то хочъ недурно. а на чому путнему“. Щось довго, мабудь бильше якъ часъ, ходылы воны колы теи нахидки. Миркувалы-миркувалы на уси боки: що его робыть?

та махнули рукою, одвернулись одъ того узвару и сунулись идты до коней, колы, якъ на грихъ, зачепылысь ногою за рядныну, шо ваялясь коло тихъ лантухивъ, и трохи не полетилы сторчака у болото.

«А, материтвоеи чортъ! Мабудьничого не зробишь, така вже талія пидійшла, шо безъ лыха я одъ цего товару не одійду. Хочь такъ, хочь сякъ: або уверну голову, або выкрутю ногу“.

Дежь таки, ше и одною грушею не попользувався, а трохи вже не гепнувся мордою обшляхъ! Черть его беры, шо Богъ дасть! Визьму одного лантуха, хочь не дурно до дому пріиду“.

Пиднялы воны одного лантуха тай несуть его до своихъ саней попередъ себе, колы якъ побачылы конячата, шо на ихъ якесь страховысько претця якъ захропуть, якъ кынутця у бикъ, якъ зачеплять кума заднимъ опленомъ по-пидъ колино, а кумъ якъ беркепнулысь зъ тымъ лантухомъ у болото, то насылу пиднялысь на ноги.

Ледви-ледви упинялы коней та уговталы ихъ, а то, якъ оглянутця воны на той узваръ, то хропуть, сопуть, не хотять стоять, та выробляють таке, шо ле дали и санки побьютъ, або себе покаличать Звистно, дурна скотына не розбирае, шо воно таке, и жахаецця, думае, не знать шо.

Бачать кумъ: не буде ніякого дила, тилько прогаять время. Узялы воны, выпряглы кобыльчатъ, поцуталы ихъ вижками, пидвезлы самотужки санки до того узвару, поклалы вси тры лантухы на саны, запряглы коней та гайтъ до вокзалу. Нехай, думаютъ, недурно умазався у болото та забывъ ногу пидъ колиномъ. Якъ вже паскудытця, то хочь, чортъ его беры, щобъ було за вищо“.

Ну, вы и сами знаете, що балакаешъ швидче, якъ дило робытця. Поки кумъ справылысь, дощъ зновъ перейшовъ на снигъ и почало пидмерзать. Нападало того снигу недуже и богацько, алыжь стало такъ, що грынджаламы можно добре ихать.

Не поспилы ще кумъ усею справу полаштувать та произвесты у порядокъ, якъ снигъ переставъ и стало усе на мири, такъ що не то що до вокзалу, хочъ и у самый Лызаветь катый, то не страшно.

Натягнулы воны соби те ряденце, що булы лантухи накрыты, на голову, притулылысь головою до лантуха, привязалы вижки до передняго рожна, сами сплять, а кони якъ засмолылы, то кумъ и не оглянулысь, якъ прыбиглы до вокзалу, якъ разъ за пивъ-часа до поїзда.

Заразъ заходылысь воны, якъ мерщій коло своеи справы, отпряглы кобылокъ, пидвязалы рептуха, насыпалы половы, а тоди пишлы на пляцформу, бо побачилы що машина заразъ пидбижыть.

Забралы воны чамайданчыка у поповыча тай понесли его до санокъ. Колы не успилы воны одійты одъ вокзалу, якъ бачать, що коло саней стоить купка людей и врадныкъ межъ ными.

Бачать кумъ, що погане дило, що попалысь, та щожъ его робыть? Одцуратця одъ своихъ коней якось не прыходытця за рады трехъ лантухивъ узвару. Выдне дило, що нема куды дитця, що треба у собаки очей позычить. Идутъ прямо не своими ногами, такъ неначе пидъ ными земля горыть.

Не повирете, братци, якый хытрый народъ

ци бисовы виры жиды. Той анахвема, що покынувъ на шляху узварь, мабуть для того, щобъ людей пидводить, вернувся до тихъ лантухивъ назадъ, та якъ побачавъ, що ихъ десь немає, заразы якъ зашкварывъ по слиду та прямо тымъ слидомъ, якъ по пысанному и пріихавъ за кумомъ до самого вокзала. Винъ, бачыте, визъ той узварь зъ города, а коняка у него погана, така, що якъ разъ симъ шагивъ вартъ узяла, та къ чорту прыстала; а винъ бачить, що не доведе мишкивъ, тай покынувъ ихъ посередъ шляху, а самъ махнувъ порожними санкамы до дому, узявъ у сосида другу, кращу коняку, та мерщій назадъ.

Якъ вже схоче нечиста сыла пидвесты чেলовика на грихъ, то чортоваго батька выкрутышыся зъ чортячихъ рукъ. И дежъ-таки поклала проклята душа прынаду посередъ бытого шляху тай ще яку прынаду—узварь! Тутъ якъ расудыть по-правди, то немає и настоящего гриха. Якъ бы це зъ коморы, або зъ скрыни узято, а то дежъ-таки поклавъ, бисовой виры анахвема, таке добро середъ дороги, на очахъ у всякаго, а ты іидь и не оглядайся.

Цебъ ще ничого, це ще не велькый порокъ, що кумъ посыдилилы щось мисяцивъ зо два у острози. Про це воны осталысь такимъ самымъ хозяиномъ, якъ и перше булы; алыжь отъ що неприятно, що якъ тилько воны зъ кимъ поспорятця, то усяка шельма дражнитця зъ ихъ и называе паномъ Грущецькимъ. Що це за така прахтика, що то бувъ Иванъ Иванченко, а то зробывся Иваномъ Грущецькимъ, тай ще до того и паномъ!..

О Г Л А В Л Е Н І Е.

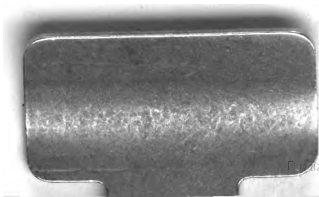
	Стр.
1) Видьма	1.
2) Кваша	6.
3) Посунься	14.
4) Пристройвъ гроши	22.
5) Пидкусыла нечиста сыла	27.

DATE DUE

GAYLORD			PRINTED IN U.S.A.

Y 2948
E 55 N 2

ALF Collections Vault

3 0000 119 459 786